

Научная статья

УДК 130.2

УДК 7.001.3

doi: 10.17223/22220836/46/2

«ЖАНР КАК ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ»: ОЧЕРК А.М. ГОРЬКОГО О ГАРИНЕ-МИХАЙЛОВСКОМ И ТЕЙТЕЛЕ

Елена Яковлевна Бурлина

*Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия,
e.ya.burlina@samsmu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются казусы «двоемыслия» А.М. Горького, ставшие впоследствии своеобразной парадигмой и для других выдающихся деятелей советской культуры и науки. Двоемыслие пронизывает содержание очерка, героями которого стали дореволюционные интеллигенты: инженер и писатель Н.Г. Гарин-Михайловский, а также юрист Я.Л. Тейтель. Очерк, написанный в 1925 г., был помещен в том 17-й, ПСС, вышедший в свет в 1952 г. Данный очерк типичен для просветительских проектов А.М. Горького. Вера «классика № 1» в культуру дореволюционного прошлого сыграла значительную роль впоследствии. Структура данного очерка (состоящего из двух очерков, наполненных ссылками, альтернативными для советского официоза), напоминает голограмму – крохотный сколок общей картины культуры 1930-х гг.

Ключевые слова: двоемыслие, двусмысливание, вера Горького в культуру, роль просветительских проектов Горького, голограмма человека и культуры

Для цитирования: Бурлина Е.Я. «Жанр как память культуры»: очерк А.М. Горького о Гарине-Михайловском и Тейтеле // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 21–32. doi: 10.17223/22220836/46/2

Original article

“GENRE AS A MEMORY OF CULTURE”: AN ESSAY BY A.M. GORKY ABOUT GARIN-MIKHAILOVSKY AND TEITEL

Elena Ya. Burlina

*Samara State Medical University, Samara, Russian Federation,
e.ya.burlina@samsmu.ru*

Abstract. The author of the article relies on the formula of M.M. Bakhtin: Genre is the memory of. Genre memory is one of the most important representatives of culture influencing society. The structure of the genre captures and conveys the values and horizons of culture. In this methodological context, a specific essay by A.M. Gorky, written back in the 1930s, however, which had a retrospective, and at the same time, relevant character to this day. The essay by the already famous writer and architect of Soviet culture is dedicated to two representatives of the Samara intelligentsia. In their circle, the novice journalist Maxim Gorky was back in 1895–1896. “Doublethink”, “double meaning”, “externality” permeate the content of the essay, the heroes of which were Gorky's pre-revolutionary acquaintances: engineer and writer N.G. Garin-Mikhailovsky, as well as lawyer Ya.L. Teitel. While still a novice writer, Gorky communicated with them when he lived briefly in Samara and worked in Samara Newspaper. Gorky presents his old acquaintances as people of high culture and professionalism. He compares them with the most outstanding figures of world culture: the righteous and the founders of new socio-cultural institutions. An essay dedicated to old acquaintances from Samara was written in 1925, and subsequently placed in Volume

17 of Gorky's. This volume was published only in 1952. The belief of the "Soviet classic No. 1" in a culture capable of transforming the people played a significant role in his worldview. According to the author of the article, all the activities of A.M. Gorky of the late period. He created unique cultural projects, including the academic edition of World Literature, the Life of Remarkable People series popular to this day, the Children's Literature publishing house, and the creation of creative Unions of writers, composers, and artists. In the same row is the concept of a relatively small essay dedicated to Garin-Mikhailovsky and Teitel. It is typical of the later writings and cultural projects of the writer. The meaning and structure of this essay (representing two intelligent people of the Russian province) resembles a hologram – a tiny fragment that reflects the general understanding of the role of culture by a mature writer and a global builder of culture.

Keywords: genre – memory of culture, M.M. Bakhtin, doublethink, doublethinking, faith A.M. Gorky in culture, the role of educational publications and institutions, the hologram of man and culture as structurally similar systems

For citation: Burlina, E.Ya. (2022) "Genre as a memory of culture": an essay by A.M. Gorky about Garin-Mikhailovsky and Teitel. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universita. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History. 46. pp. 21–32. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/46/2

Этот очерк был написан, когда Горького уже настойчиво и в высшей степени лестно приглашали на новую Родину. Он был опубликован сначала в журнале «Красная новь» (1925). Потом писатель сам включил этот «несвоевременный очерк» в свое полное собрание сочинений, которое входило в гигантскую программу прославления Горького. Его имя было присвоено Нижнему Новгороду, Тверской улице в Москве и Московскому художественному театру; потом всем драматическим театрам и паркам страны. И.М. Гронский – один из создателей Союза писателей, Литературного института, заместитель редактора газеты «Известия», по его собственным свидетельствам, пытался умерить объемы переименований. Вождь отмахнулся: «Он честолюбивый человек. Надо привязать его канатами к партии» [1. С. 617–618; 2]. Писатель окончательно вернулся на Родину и был возведен в «сан» основоположника социалистического реализма. В то же время положение классика № 1 давало А.М. Горькому огромные возможности для реализации того, во что он искренне верил в свои поздние годы и что имело невероятное значение для всей отечественной культуры XX столетия.

В данной статье, базируясь на материалах скромного очерка, выпадающего из реалий 1930-х гг., нам хотелось бы рассмотреть несколько актуальных проблем для современности. Как известно, в 2018 г. весь мир отмечал 150-летний юбилей А.М. Горького.

1. **«Изоморфность»** авторской роли в данном очерке тому двоемыслию, которым была пронизана советская культура уже в 1930-е гг. Именно в изоморфизме «маленького жанра» и «глобальной культуры» состоит, по М.М. Бахтину, концепция «жанра как памяти культуры».

2. **«Двоемыслие» А.М. Горького**, ставшее впоследствии своеобразной парадигмой и для других выдающихся деятелей советской культуры и науки.

3. **«Согласие»** с русской дореволюционной интеллигенцией (на материалах очерка о Н.Г. Гарине-Михайловском и Я.Л. Тейтеле, Т. 17, 1952); мировой и провинциальный контексты.

Начнем с того, что в отличие от очерков, посвященных вождям и вошедших в т. 17, очерк «Гарин-Михайловский» практически не редактиро-

вался в ходе подготовки 30-томного собрания сочинений. Этот текст связывает впечатления молодости Горького с его советскими просветительскими проектами. Данный пример – маленький «сколок» тех компромиссов с представителями «старой культуры», которые он вкладывал во все свои проекты 1930-х гг. Примечательно, что данный текст, пронизанный любовью и почтением к старой интеллигенции, совпадает с тем периодом, когда Горький писал совершенно противоположные очерки, например, предисловия к «Беломорканалу» и «Болшевцам». Позднее и многие другие советские художники создавали жанры-индустрии, реализуя параллельно и другие творческие замыслы: «Песня о восточном» Д.Д. Шостаковича появилась почти параллельно опере «Нос» и изучению новых опусов Хиндемита. Художественная культура 1930-х гг. была наполнена противоположностями.

Отсюда вытекает тема «двоемыслия» советских художников, свойственная и А.М. Горькому. Нам кажется сомнительной мотивация, связанная с житейским честолюбием, которое «пристегнуло» его к партии. Определяющую роль играли грандиозные просветительские планы, которые двигали Горьким. Популяризация высокой культуры в самых широких слоях была последовательной и системной в выдвинутых им программах. Он использовал свое положение, чтобы создать огромные издательские, исследовательские и образовательные институты. Это были уникальные коллективы для подготовки энциклопедий нового типа, он запустил издание многих серий книг – лучших произведений всех времен и народов. Он инициировал такие популярные и многомиллионные книжные серии, как «Жизнь замечательных людей», «История фабрик и заводов», «История гражданской войны», «Библиотека поэта» и многие другие. Им было создано бесчисленное количество научных журналов и разнообразной периодики. Через годы, откликнувшись на смерть писателя, Л.Д. Троцкий, хотя и несколько скептически, сформулировал главное, что двигало Горьким: «Глубже всего в этом необыкновенном самоучке сидело преклонение перед культурой: первое, запоздалое приобщение к ней как бы обожгло его на всю жизнь» [3].

Правда, что его именем называли города и улицы, теплоходы и заводы, театры и парки, выпускали его книги миллионными тиражами и переводили на все языки мира. Однако правда и то, что без его помощи просто погибли бы многие деятели искусства, без его поддержки свернулась бы деятельность многих научных институтов и театров.

Конечно, в его жизни была и другая сторона: его назначали на политические роли, которые он вынужден был выполнять. Горький ездил на строительство Беломорско-Балтийского канала имени Сталина и написал предисловие к сборнику статей, восхвалявших «правду социализма» [4]. Строчками, подписанными его именем, начинается сборник «Болшевцы: Очерки по истории болшевской имени Г.Г. Ягода трудкоммун НКВД» [5].

Те, кто понимал сделанное им после возвращения, откликались на его двоемыслие более компромиссно, нежели некоторые зарубежные исследователи. Например, И.А. Бунин: «О Горьком, как это ни удивительно, до сих пор никто не имеет точного представления» [6. С. 19]. Во второй половине XX в. судили Горького гораздо жестче. Например, выдающийся итальянский исследователь русской литературы Витторио Страда, имевший начиная с

1960-х гг. тесные контакты с московскими гуманитариями, заключает: «Бога Горький не построил, зато внес свою лепту в построение мифа революции, которая в конце концов поглотила и его самого, и его мечту». И рядом, буквально в следующем предложении, В. Страда все же смягчает приговор: «Он тоже был раздвоен, подобно интеллигенции, между претензией стоять над историей и служением определенным группам власти» [7].

Добавим, что о «двусмысленности» Горького, как определяет Н. Берберова, писали многие авторы, знавшие его лично [8. С. 229]. Его «двойственность» видел В. Ходасевич [9. С. 204]. Известный современный исследователь В. Барханов определяет это как расплату за «вечно живую идею социальной справедливости» [10. С. 41]. Л. Спиридонова, в заключение многолетних исследований пишет, что пришла пора отказаться от устаревшего стереотипа о верном ленинце, друге и соратнике Сталина, хотя он, безусловно, выполнял определенные политические роли [11]. Паула Чони в своей диссертации предостерегает от безосновательных утверждений о вине Горького за литературные репрессии, ведущие к Пастернаку и Солженицыну [12].

Таким образом, исследователи констатируют, что в последние годы А.М. Горький шел на определенные компромиссы. Мы же полагаем, что эту двойственность унаследовали многие художники в СССР, в том числе, например, Д.Д. Шостакович, а главное, она была заложена в основание мировоззрения советского человека, о чем пишет Дм. Горин [13]. Определенное структурное совпадение (голографическое совпадение двоемыслия субъекта и культуры) пронизательно определяет Л.П. Киященко [14].

Когда автор этих строк попытался применить так трактуемое «двоемыслие» к другим персоналиям, в частности, к творчеству Шостаковича, возникла еще одна подсказка – «странный угол». Улица Шостаковича пересекается с бункером Сталина в Куйбышеве, где впервые исполнялась Седьмая симфония Шостаковича. «Бункер Сталина на улице Шостаковича» – выразительная метафора «двоемыслия» советской культуры [15, 16].

Таким образом, проявления «двоемыслия» в деятельности А.М. Горького последнего периода представляются важной и универсальной парадигмой, позволяющей распознавать и диагностировать разные повороты роли художника в советской культуре.

Далее, как планировалось в начале статьи, обратимся к одному из малочитываемых очерков А.М. Горького, подтверждающему высказанный теоретический тезис о «двоемыслии».

Имеется в виду очерк, написанный Горьким в 1925 г., включенный в первое, а потом и 30-томное собрание сочинений, а именно, в 17-й том, вышедший уже в 1952 г. Герои – дореволюционные горожане российской провинции, по воле автора, сопоставляются с великими деятелями мировой культуры. Детальный разбор этого маленького шедевра, абсолютно не актуального в 1930-е гг., проясняет многое в миссии Горького, его вере в культуру и его двоемыслии.

Напомним, что 17-й том вышел из печати в 1952 г., уже после войны. К этому времени, например, очерк «В.И. Ленин», бесконечно редактировавшийся и многократно известный по периодике, уже приобрел статус канонического портрета выдающегося основоположника советской страны. Также

в очерке «Леонид Красин» создан рельефный и мощный портрет деятеля молодого советского государства.

Порядок материалов в 17-м томе таков. Рядом с очерками о Ленине и Красине – рассказ о дореволюционном инженер-дворянине и писателе Н.Г. Гарине-Михайловском и о помощнике прокурора, юристе Я.Л. Тейтеле. Ни тот ни другой точно не имели отношения к революционному движению: один умер, а другой покинул страну в годы Гражданской войны. Первые несколько страниц содержат длинное объяснение философии «праведничества» вообще, а в частности, сути «веселых праведников», одним из которых он называет Я.Л. Тейтеля. Именно в его доме Горький познакомился с Гариним-Михайловским.

Для чего же Горький на склоне лет включает в свое собрание сочинений очерк о Ленине и «веселых праведниках», с которыми повстречался в конце XIX в. в провинциальной Самаре? В контексте гипотезы о «двоемысли» – не такой и праздный вопрос.

Достоверно известны следующие факты. В первый раз очерк Горького о Гарине-Михайловском был прочитан 5 апреля 1927 г. на заседании Общества Чехова, посвященном 75-летию со дня рождения Гарина. Через несколько дней он появился в журнале «Красная новь» (1927. № 4) [17. С. 255]. Гарин-Михайловский олицетворял для Горького тот тип инженера и гуманиста, увлеченного бурным ростом техники и перспективами индустриального преобразования, который необходим России не только в прошлом, но и в настоящем.

Примечательно, что впоследствии о Гарине-Михайловском писал также и К.И. Чуковский, который утверждал, что этот инженер-писатель лучше всех в России представлял новый мир индустрии. «Никогда еще в русской литературе не звучало таких славословий постройке тоннелей, мостов, проведению рельсов», – это пишет уже Чуковский [18. С. 219].

К тому же, этот инженер, происходивший из старой дворянской фамилии, был глубоким геополитиком, объездившим не только всю страну, но и полмира. Он прекрасно представлял вопросы обустройства российских регионов. Судьба города Новосибирска непосредственно обязана Гарину-Михайловскому своим транспортно-логистическим выбором. Это он настоял на том, чтобы Трансиб, в целях экономии, прошел не через Томск, а через небольшой поселок Ново-Николаевск, что в корне изменило судьбу города, впоследствии переименованного в Новосибирск. Масштаб этого человека был ясен Горькому еще в Самаре 1890-х гг.

В письме к Е.П. Пешковой, написанном в эту пору, тогдашний самарский журналист ссылается на американские впечатления Гарина: «Он считает, что такого прогресса Америка „достигла только совершенно свободным, ничем не стесняемым трудом“» [19. С. 419]. Некоторые литературоведы полагают, что проблемы столкновения капитализма и социума, которые так остро ощущал Гарин-Михайловский, такие типы, как Фома Гордеев, Васса Железнова, сложились у писателя Горького не без литературного и концептуального влияния этого инженера и геополитика.

И еще один рубеж, на котором они встречались и были по-прежнему интересны друг другу. Начало Первой мировой войны. Горький постоянно выделяет очерки своего старого знакомого, диагнозам которого

безмерно доверяет. Вот что он пишет в письме той же Е.П. Пешковой осенью 1904 г.: «Приехал Гарин, много интересного говорит о войне. Общий вывод – армия совершенно деморализована, победа невозможна» [19. С. 130–131].

И наконец, последнее, что было связано с писательской деятельностью Гарина-Михайловского и что со всей очевидностью вошло уже в 1925 г. в концепцию словесного памятника, созданного Горьким в очерке «Гарин-Михайловский». В течение всей жизни Гарин, как известно, работал над автобиографическими повестями: «Детство Темы» (1892), «Гимназисты» (1893), «Студенты» (1895) и «Инженеры» (1904–1906). Как заключает известный литературовед Л. Иоар, «рукопись „Инженеров“ была тщательно отредактирована Горьким» [8. С. 253]. Это не спасло публикацию от преследований цензуры, а «нижегородского цехового» Алексея Максимовича Пешкова в 1912 г. привлекли «за содействие» к судебной ответственности.

Судя по заметкам писательницы Александры Леонтьевны Тургеневой, матери Алексея Толстого, она также могла встречаться с Горьким и Гариным-Михайловским на «Ассамблеях» Тейтеля. Цитаты из очерка Горького, описывающие атмосферу доброжелательности и согласия в этом доме, нам хотелось бы привести. Непримирымый романтик незамедлительно принял и полюбил скромную доброжелательность и простоту образованных интеллигентов. Многие годы подобные люди были в его глазах эталонами культуры.

Гарин-Михайловский – не единственный герой очерка. Есть и другой персонаж, к которому Горький также относится с огромной теплотой, называя его «веселым праведником». Связь между персонажами такова: писатель начинает с рассуждений о «праведниках», причем веселых. Этот историко-культурный пассаж захватывает всю мировую культуру: от Заратустры до основателя «Красного Креста». Потом идет описание удивительно свободной атмосферы в доме самарского судебного следователя, которым писатель любит и наслаждается. И наконец, через несколько страниц Горький делает переход к инженеру Гарину-Михайловскому, с которым он познакомился именно в доме Якова Тейтеля. Приведем сейчас ключевые цитаты из очерка, опубликованного в 17-м томе собрания сочинений А.М. Горького:

«Там, в его квартире, еженедельно собирались все наиболее живые, интересные люди города, впрочем – не очень богатого такими людьми. У него бывали все, начиная с председателя окружного суда Анненкова, потомка декабриста, великого умника и „джентльмена“, включая марксистов, сотрудников „Самарского вестника“ и сотрудников враждебной „Вестнику“ „Самарской газеты“, – враждебной, кажется, не столь „идеологически“, как по силе конкуренции. Бывали адвокаты-либералы и молодые люди неопределенного рода занятий, но очень преступных мыслей и намерений. Странно было встречать таких людей „вольными“ гостями судебного следователя, тем более странно, что они отнюдь не скрывали ни мыслей, ни намерений своих.

Когда появлялся новый гость, хозяева не знакомили его со своими друзьями, и новичок никого не беспокоил, все были уверены, что плохой человек не придет к Якову Тейтелю. Царила безграничная свобода слова» [20. С. 66–67].

И еще одна выразительная и поучительная цитата из А.М. Горького, о том, кто же такие «веселые праведники». Не очень заметные и необходимые обществу люди, живущие в самых скромных российских городах.

«Изредка в мире нашем являются люди, которых я назвал бы веселыми праведниками.

Я думаю, что родоначальником их следует признать не Христа, который, по свидетельству евангелий, был все-таки немножко педантом; родоначальник веселых праведников, вероятно, Франциск Ассизский: великий художник любви к жизни, он любил не для того, чтоб поучать любви, а потому что, обладая совершеннейшим искусством и счастьем восторженной любви, не мог не делиться этим счастьем с людьми.

Я говорю именно о счастье любви, а не о силе сострадания, заставившей Анри Дюнана создать международную организацию „Красного Креста“ и создающей такие характеры, как прославленный доктор Гааз, практик-гуманист, живший в тяжелую эпоху царя Николая Первого.

Но – жизнь такова, что чистому состраданию уже нет места в ней, и, кажется, в наше время оно существует только как маска стыда.

Веселые праведники – люди не очень крупные. А может быть, они кажутся не крупными потому, что с точки зрения здравого смысла их плохо видно на темном фоне жестоких социальных отношений. Они существуют вопреки здравому смыслу, бытие этих людей совершенно ничем не оправдано, кроме их воли быть такими, каковы они есть.

Мне посчастливилось встретить человек шесть веселых праведников; наиболее яркий из них – Яков Львович Тейтель, бывший судебный следователь в Самаре, некрещеный еврей» [20. С. 66–67].

Итак, писатель ставит дореволюционного инженера и адвоката рядом с великими вождями нового, советского времени: смотрим в оглавление 17-го тома. Далее, из интерпретации А.М. Горького, следует, что провинциальный российский город и до революции располагал отзывчивыми гуманистами. И, разумеется, его текст имеет эмоциональный посыл в будущее: как же нужны люди, способные со-чувствовать, со-действовать, со-гласовывать свою жизнь с миром. Приведенные выше ссылки показывают, что написанный Горьким в 1927 г. очерк «Гарин-Михайловский» был обусловлен многими годами их общения, доверия и взаимодействия.

В то же время в этом очерке писателя высвечивается, на наш взгляд, также определенное «двоемыслие»: казалось бы, несвоевременно писать на 10-ю годовщину революции очерк о буржуазном инженере, участнике царских проектов, писателе не proletарского происхождения и т.п. Однако для Горького помещение данного очерка рядом с советскими «иконами» было несомненным проявлением «двоемыслия».

Мы предполагаем, что в 1927 г. Горький знал не только о впечатляющей дореволюционной карьере Я.Л. Тейтеля в Самаре, о восторженных отзывах писателей, журналистов, актеров, с которыми он дружил или сотрудничал в этом провинциальном городе. Горький, разумеется, знал и о том, что дослужившийся до чина генерала по Министерству юстиции, выпускник Московского университета и некрещеный еврей Яков Львович Тейтель вовсе не был благодушен. Перед началом Первой мировой войны Я.Л. Тейтель вступил в принципиальный конфликт с саратовским губернатором П.А. Столыпиным

по поводу необходимости наказывать погромщиков¹. Это был известный в России скандал.

Возможно, Горький знал и о том, что в годы Гражданской войны жизнь выбросила Тейтеля в Берлин и Париж, где он стал в буквальном смысле звездой русской эмиграции [22]. Ему было уже за 70 лет, и он почти не располагал средствами. Однако старик сумел организовать в Берлине и Париже эффективный Фонд помощи студентам и молодежи – выходцам из России [23]². В наши дни публикации, посвященные Якову Львовичу Тейтелю, нетрудно найти в библиотеках Кельна и Берлина, Парижа и Ниццы, где он был похоронен в 1938 г. И почти все зарубежные авторы цитируют очерк Горького, опубликованный в 1927 г., где писатель так роскошно называет провинциального следователя из Самары «веселым праведником».

Рассмотрев данный очерк в контексте «двомыслия» и «несвоевременного» выбора персонажей, нужно вернуться в Самару конца XIX в., где состоялось знакомство молодого Горького с Гариным-Михайловским и Тейтелем. Там есть важные подробности и обобщения.

Журналист под псевдонимом Иегудил Хламида печатался в «Самарской газете» около двух лет, с 1894 по 1896 г. Здесь было опубликовано около 300 фельетонов, стихов и театральных рецензий, в том числе «Два босняка», «Песня о соколе», «Старуха Изыргиль». Под нажимом новых друзей, а прежде всего Тейтеля, были собраны в два книжных тома уже опубликованные газетные тексты журналиста. Усилиями самарских же поклонников было учреждено специальное издательство «С. Дороватовского и А. Чарушников». Двухтомник А.М. Горького в количестве 18 800 экземпляров распродали в короткое время сначала в Петербурге, Москве, а потом и в других городах. Это был невероятный успех. В провинциальный город приехал журналист, а из Самары уезжал популярный писатель Максим Горький, прославившийся беспощадностью к низостям жизни и изрядно политизированными романтическими образами.

Его окружение в Самаре, быт и биографии детально описаны [24]. В мемуарах, написанных уже в 1929 г., В.А. Поссе все еще сожалеет, что бумага в легендарном двухтомнике была некачественной и опечаток много: «Но как бы то ни было, очерки были изданы и вместе с тем Горький прорвался к славе...» [25].

Здесь состоялась свадьба, положившая начало причудливой семейной биографии: его женой стала Екатерина Павловна Пешкова (Волжина), интеллигентная выпускница самарской гимназии, впоследствии мать его сына Максима и рано умершей дочери Кати. Нити молодой общности тянулись через всю жизнь.

¹ Большая Саратовская энциклопедия. 2010–2017. Примечательно, что, согласно обвинительному акту, погром состоялся 19 и 20 октября 1905 г., слушание же дела происходило в 1910 г. Можно предположить, что Тейтель лично и в течение длительного времени способствовал возбуждению уголовных дел по факту еврейских погромов.

² Teitel Ja. Aus meiner Lebensarbeit Erinnerungen eines jüdischen Richters im alten Rußland / Mit einem Vorwort von Simon Dubnow und einer Charakteristik von Maxim Gorki. Deutsch von Elias Hurwicz. Neu herausgegeben mit einem Essay und Anmerkungen von Ludger Heid. Einleitung von Hermann Simon. (Jüdische Memoiren. Hrsg. von Hermann Simon. Bd. 2). Verlag Hentrich & Hentrich, Teetz 1999. 318 S.

Вместе с тем Горький не жаловал этот волжский город, прозванный в те годы «русским Чикаго». Не было в Самаре ни старого университета, как в Казани, ни тысячелетних монастырских традиций, как в Ярославле, ни консерватории и музеев, как в Нижнем Новгороде и Саратове. Это был молодой и пестрый по этническому составу город купцов в первом поколении, заезжих заводчиков всех национальностей и религий. Погромов не было, но и культурной публики было мало. На страницах «Самарской газеты» заезжий журналист опубликовал текст, который местные историки ему не прощают до сих пор. А зря: *«Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить/культуру//Вспять возвратися, зане город сей груб и убог»* [26].

Дмитрий Быков, воспроизводящий в своей фундаментальной книге всю самарскую эпопею писателя до мельчайших подробностей и адресов, тонко интерпретирует его нетерпимость к городу: «романтику и положено ненавидеть действительность, он ее не щадит, любя только мечту» [27]. Позднее, когда Горький увидел мир, пережил катастрофы и искал компромиссы, он вспоминал своих самарских знакомых с обожанием.

И еще одно чрезвычайно интересное совпадение. В 1931 г. один из героев описываемого очерка А.М. Горького праздновал свое 80-летие. Это было в Париже, куда на юбилей Я.Л. Тейтеля стеклось около 700 человек. По словам П.Н. Милюкова, блестящего историка, политика, профессора Московского, а потом и Кембриджского университета, самарский юрист Яков Тейтель принадлежал к «ордену русской интеллигенции» той золотой поры, когда не спрашивали, кто иудей и кто эллин, а были связаны общим служением идеалу добра и правды¹.

То же самое, на наш взгляд, хотел передать Горький, соединив в своем очерке двух замечательных энтузиастов добра – инженера Гарина-Михайловского и юриста Тейтеля.

Заключая, скажем, что тексты А.М. Горького 1930-х гг., в том числе и разбираемый очерк, переплетены двоемыслием компромиссов, опыта, желанием сохранить память и культуру. Он хотел верить в будущее. Он стремится со-гласовать европейские смыслы гуманности с традициями и реалиями современной ему русской культуры. Он ищет эти со-гласования в настоящем и в своем прошлом.

Эта двойственность была заложена им в концепты советской культуры, в том числе в его издательские и просветительские программы. Советская идеология и судьбы культуры были бы гораздо беднее и примитивнее без горьковской веры в культуру, без представления им веселых праведников и великих инженеров дореволюционного прошлого.

Список источников

1. *Летопись* жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 1–4. М., 1958–1960. Вып. 3. 1917–1929. М., 1959. С. 617–618.
2. *Гронский И.М.* Из прошлого... : Воспоминания / сост. С.И. Гронская. М. : Известия, 1991. 368 с.

¹ Цит. по юбилейной книге: *Тейтель Я.Л.* Юбилейный сборник (Париж; Берлин, 1931). Издано группой друзей к его 80-летию. Приветственные письма П. Милюкова, П. Струве, Евг. Чирикова и многих других, выступления многочисленных представителей общественности. В том числе юрист Н.Н. Таганцев напомнил «об уважении и любви к Я.Л. Тейтелю в русских судебных кругах».

3. Троцкий Л. О смерти Горького // Бюллетень оппозиции. Париж, 9.7.1936. № 51. Р. 3. URL: <http://rubook.org/book.php?book=357285>
4. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства. 1931–1934 гг. / под ред. М. Горького, С. Авербуха, Л. Фирина. 1931–1934. URL: <http://mexalib.com/>
5. *Большевы*: Очерки по истории большевской имени Г.Г. Ягода трудкоммун НКВД / под ред. М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина. URL: <https://www.litmir.me>
6. Бунин И. «Под серпом и молотом». Горький. URL: <http://bunin.org.ru/library/pod-serpom-i-molotom/gorkiy.htm>
7. Страда В. Россия как судьба. М.: Три квадрата, 2013. С. 321–331. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=572041&p=3>
8. Берберова Н. Курсив Мой. Автобиография. М., 1996.
9. Ходасевич В. Некрополь. Воспоминания. Литература и Власть. М., 1996.
10. Барахов В. Драма Максима Горького. М., 2004.
11. Спиридонова Л. Максим Горький: Новый взгляд. М.: ИМЛИ РАН, 2004.
12. Чони П. Феномен М. Горького в политической борьбе первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
13. Горин Д. К феноменологии двоемыслия: метафизика культуры «диалектического материализма» // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78).
14. Киященко Л.П. Личность как голограмма в трансдисциплинарной культуре // Вопросы философии. 2017. № 11.
15. Бурлина Е. Хронотип двоемыслия. Бункер Сталина на улице Шостаковича: Южно-Российский музыкальный альманах. Ростов на/Д: Ростовская гос. консерватория им. С.В. Рахманинова, 2014.
16. Бурлина Е. Художник и власть: хронотоп двоемыслия и двусмысливания // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1.
17. Иокар Л. Гарин-Михайловский и Горький // Горьковские чтения: 1964–1965 // Горький и русская литература начала XX века. М.: Наука, 1966.
18. Чуковский К. Современники. Молодая гвардия, 1963.
19. Письмо к Е.П. Пешковой, 20 июня 1896 г. «Архив Горького», т. V. Государственное издательство художественной литературы, 1955. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001533901-arhiv-a-m-gorkogo-tom-v-pisma-k-peshkovo-1895-1906-gorkij-maksim>
20. Горький А.М. Н.Г. Гарин-Михайловский // Журнал «Красная новь». Апрель, 1927. Начало очерка посвящено «веселому праведнику».
21. Горький А.М. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 17: Рассказы, очерки, воспоминания. 1924–1936. М.: Гослитиздат художественной литературы, 1952.
22. Тейтель Я. Из моей жизни. За сорок лет. Париж; Берлин: Изд-во Я. Поволоцкий и Ко, 1925.
23. Glöckner O. Die Kultur als Lebenselixier. Russischsprachige jüdische Immigranten in Deutschland // 6. Potsdamer Begegnungen. Zusammenleben von Mehrheiten und Minderheiten in einem Lande. Hrsg. von Ernst-Jörg von Studnitz und Birgit Klein, Berlin, 2004. S. 140–143.
24. Перепелкин М., Саморуков И. Бегство в Самару и бегство из Самары. URL: <http://gubernya63.ru/team/authors/samurukov.html>
25. Поссе В.А. Мой жизненный путь. Воспоминания. М.; Л., 1929. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/kritika/charushnikov-gorkij-pervye-knigi.htm>
26. Горький Максим. * * * («Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить...»). URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/stihi/smertnyj-vhodyaschij-v-samaru.htm> <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/stihi/smertnyj-vhodyaschij-v-samaru.htm>
27. Быков Д. Был ли Горький? М.: АСТ: Астрель, 2012. URL: <https://www.libfox.ru/144738-dmitriy-bykov-byl-li-gorkiy-biograficheskiy-ocherk.html>

References

1. Gorky, M. & Mikhaylovskiy, B.V. (1959) *Letopis' zhizni i tvorchestva A.M. Gor'kogo* [Chronicle of A.M. Gorky's Life and Work]. Vol. 3. Moscow: AS USSR. pp. 617–618.
2. Gronskiy, I.M. (1991) *Iz proshlogo... : Vospominaniya* [From the past ...: Memoirs]. Moscow: Izvestiya.
3. Trotsky, L. (1936) O smerti Gor'kogo [On Gorky's death]. *Byulleten' oppozitsii*. 51. p. 3. [Online] Available from: <http://rubook.org/book.php?book=357285>

4. Gorky, M., Averbukh, S. & Firin, L. (eds) (1931–1934) *Belomorsko-Baltiyskiy kanal imeni Stalina: Istoriya stroitel'stva. 1931–1934 gg.* [The Stalin White Sea-Baltic Canal: The history of construction. 1931–1934]. [Online] Available from: <http://mexalib.com/>
5. Gorky, M., Gorbunov, K. & Luzgin, M. (eds) (n.d.) *Bolshevsy: Ocherki po istorii bolshevskoy imeni G.G. Yagoda trudkommuny NKVD* [Bolshevsy: Essays on the history of the G.G. Yagoda Bolsheviks Labour Commune]. [Online] Available from: <https://www.litmir.me>
6. Bunin, I. (n.d.) "Pod serpom i molotom". *Gor'kiy* ["Under the hammer and sickle." Gorky]. [Online] Available from: <http://bunin.org.ru/library/pod-serpom-i-molotom/gorkiy.htm>
7. Strada, V. (2013) *Rossiya kak sud'ba* [Russia as Destiny]. Moscow: Tri kvadrata. pp. 321–331. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=572041&p=3>
8. Berberova, N. (1996) *Kursiv moy. Avtobiografiya* [My italics. Autobiography]. Moscow: Elena Shubina.
9. Khodasevich, V. (1996) *Nekropol'. Vospominaniya. Literatura i vlast'* [Necropolis. Memories. Literature and Power]. Moscow: SS.
10. Barakhov, V. (2004) *Drama Maksima Gor'kogo* [Drama by Maxim Gorky]. Moscow: RAS.
11. Spiridonova, L. (2004) *Maksim Gor'kiy: Novyy vzglyad* [Maxim Gorky: A new look]. Moscow: IWL RAS.
12. Choni, P. (2008) *Fenomen M. Gor'kogo v politicheskoy bor'be pervoy trety XX veka* [The phenomenon of M. Gorky in the political struggle of the first third of the 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
13. Gorin, D. (2011) K fenomenologii dvoemysliya: metafizika kul'tury "dialekticheskogo materializma" [On the phenomenology of doublethink: the metaphysics of the culture of "dialectical materialism"]. *Neprikosnovenny zapas*. 4(78).
14. Kiyashchenko, L.P. (2017) Lichnost' kak gologramma v transdistsiplinarnoy kul'ture [Personality as a hologram in transdisciplinary culture]. *Voprosy filosofii*. 11
15. Burlina, E. (2014) *Khronotip dvoemysliya. Bunker Stalina na ulitse Shostakovicha* [Chronotype of doublethink. Stalin's bunker on Shostakovich street]. Rostov on the Don: The Rachmaninov Rostov State Conservatory.
16. Burlina, E. (2015) Khudozhnik i vlast': khronotop dvoemysliya i dvoosmyslivaniya [Artist and Authorities: the chronotope of doublethink and double reflection]. *Vestnik Yaroslavskiy pedagogicheskoy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1.
17. Iokar, L. (1966) Garin-Mikhaylovskiy i Gor'kiy [Garin-Mikhailovsky and Gorky]. In: *Gor'kiy i russkaya literatura nachala XX veka* [Gorky and Russian Literature of the Early Twentieth Century]. Moscow: Nauka.
18. Chukovskiy, K. (1963) *Sovremenniki* [Contemporaries]. Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya.
19. Gorky, M. (1955) *Arkhiv Gor'kogo* [Archive]. Vol. 5. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. [Online] Available from: <https://www.livelib.ru/book/1001533901-arhiva-m-gorkogo-tom-v-pisma-k-peshkovoj-1895-1906-gorkij-maksim>
20. Gorky, A.M. (1927) N.G. Garin-Mikhaylovskiy. *Krasnaya nov'*. April.
21. Gorky, A.M. (1952) *Sobraniya sochineniy v tridsati tomakh* [Collected Works in Thirty Volumes]. Vol. 17. Moscow: Goslitizdat Khudozhestvennoy literatury.
22. Teitel, Ya. (1925) *Iz moyey zhizni. Za sorok let* [From my life. For forty years]. Paris; Berlin: Ya. Povolotsky & Ko.
23. Glöckner, O. (2004) Die Kultur als Lebenselixier. Russischsprachige jüdische Immigranten in Deutschland. In: Studnitz, E.-J. von & Klein, B. (eds) *Potsdamer Begegnungen. Zusammenleben von Mehrheiten und Minderheiten in einem Lande*. Berlin. [s.n.]. pp. 140–143.
24. Perepelkin, M. & Samorukov, I. (n.d.) *Begstvo v Samaru i begstvo iz Samary* [Flight to Samara and flight from Samara]. [Online] Available from: <http://gubernya63.ru/team/authors/samorukov.html>
25. Posse, V.A. (1929) *Moy zhiznenny put'*. *Vospominaniya* [My Life Path. Memories]. Moscow; Leningrad: [s.n.]. [Online] Available from: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/kritika/charushnikov-gorkij-pervye-knigi.htm>
26. Gorky, M. (n.d.) * * * ("Smertnyy, vkhodyashchiy v Samaru s nadezhday v ney vstre-tit'..."") [* * * ("A mortal who enters Samara with the hope of meeting in it...")]. [Online] Available from: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/stihi/smertnyj-vhodyaschij-v-samaru.htm> <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/stihi/smertnyj-vhodyaschij-v-samaru.htm>
27. Bykov, D. (2012) *Byl li Gor'kiy?* [Was there Gorky?]. Moscow: AST: Astrel'. [Online] Available from: <https://www.libfox.ru/144738-dmitriy-bykov-byl-li-gorkiy-biograficheskoy-ocherk.html>

Сведения об авторе:

Бурлина Е.Я. – профессор, доктор философских наук, кандидат искусствоведения Самарского государственного медицинского университета (Самара). E-mail: e.ya.burlina@samsmu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Burlina E.Ya. – Samara State Medical University (Samara, Russian Federation). E-mail: e.ya.burlina@samsmu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.05.2018;
одобрена после рецензирования 06.07.2018; принята к публикации 15.05.2022.*

*The article was submitted 29.05.2018;
approved after reviewing 06.07.2018; accepted for publication 15.05.2022.*